

Глава 6

Покинув рынок, повозка, запряженная мулом, выехала на окраину. Проехав пару улиц, Лу Лю проводил взглядом Ли Фэна, который отправился на поиски матери и брата. Ему стало любопытно, как выглядят его будущие родственники, и он задержал на них взгляд чуть дольше.

Старина Чэнь заметил это и сначала хотел было предостеречь его, чтобы тот, увлекшись мужем, не забывал о родной семье. Но потом вспомнил, что у Лу Яна нет никого, кроме них, и он полностью в его власти. Если в новой семье его обидят, ему даже некуда будет пойти. Эта мысль заставила его довольно улыбнуться и промолчать.

Однако нога нестерпимо болела, и, улыбаясь, он все же не удержался и выругался вполголоса:

— Вымахал такой верзила, а глаз нет! Всю ногу мне оттоптал!

Лу Лю почувствовал укол совести и спросил, не нужно ли купить мазь от ушибов.

— Пустая трата денег, — отрезал Старина Чэнь.

Выехав из города на большую дорогу, ведущую в деревню, они какое-то время ехали в одном направлении с семьей Ли. Хотя Старина Чэнь и говорил, что не станет тратиться на мазь, при встрече с матушкой Ли он сказал, что ему нужно в аптеку, и велел им ехать вперед, избегая совместной поездки.

— Мать Ли Фэна — женщина хитрая, — пояснил он Лу Лю. — Перед ней не умничай. Я и сам стараюсь с ней поменьше говорить, боюсь, она всю нашу подноготную выведает.

Лу Лю послушно кивал.

Оставшись в повозке наедине со Стариной Чэнем, он почувствовал, как волнение, которое он подавлял, снова начало подниматься. Он сидел, съежившись, и молчал. Когда Старина Чэнь пытался заговорить с ним, он отвечал тихо и односложно.

Это было странно.

Старина Чэнь, конечно, и подумать не мог, что перед ним другой человек. Он решил, что Лу Ян просто плохо себя чувствует.

Выяснив, что у него болит живот, он вздохнул с облегчением. У Лу Яна часто бывали боли в желудке, вероятно, от голода.

Старина Чэнь и сам питался лепешками с дикими овощами и не стал тратить на еду для сына.

— Потерпи, — сказал он. — Дома выпьешь горячей воды, и все пройдет.

Лу Лю снова кивнул.

Он сидел на досках повозки и отрешенно смотрел на спину Старины Чэня, вспоминая, как поступали его отцы, когда у него болел живот.

Хоть они и жили бедно, но стоило ему пожаловаться на недомогание, как отец тут же готовил ему гоголь-моголь.

Он разбивал яйцо в большую миску, взбивал его и заливал кипятком. Сахар, который они берегли для праздников, в такие моменты всегда оказывался в его чашке — целая половина ложки.

Отец любил добавлять побольше кипятка, и сладость была едва уловимой, но он обожал этот напиток. Было время, когда он даже притворился больным, чтобы выпросить себе это лакомство.

Отцы, конечно, все понимали, но никогда его не упрекали.

А его брат, оказывается, при болях в животе мог рассчитывать только на горячую воду.

Лу Лю, подумав, осторожно спросил:

— Я хочу сладкой воды...

— Ты не думай, что раз мы несколько дней шиковали, то и впрямь разбогатели, — не оборачиваясь, отрезал Старина Чэнь. — Времена изменились. Твою мастерскую младший сын промотал, у нас осталось всего несколько лянов серебра, да и те почти все ушли на твою помолвку. Да, мы получили двадцать лянов выкупа, но разве не нужно справить тебе проводы? Разве не нужно мне пополнить свой кошелек? Нам еще мастерскую открывать, везде нужны деньги. А ты — «сладкой воды»! Сахар знаешь, сколько стоит? Легко тебе просить!

Лу Лю слушал его бесконечные причитания, и его страх сменился изумлением.

Он был искренне удивлен. Он ведь просто попросил сладкой воды.

Лу Лю умел справляться с таким ворчанием. Он просто отключался и делал вид, что не

слышит.

Деревня Чэньцзявань была недалеко. Подъезжая к ней, Лу Лю выпрямился и постарался запомнить дорогу.

Как и в Луцзятунь, с большой дороги сворачивала утоптанная тропа, которая, петляя, через пару ли приводила в деревню.

Старина Чэнь вернулся недавно, но уже успел наладить отношения с односельчанами. Сейчас было межсезонье, и все, кому не лень, заходили к ним поболтать, пощелкать семечки и арахис. Он был приветлив и гостеприимен, и о его семье сложилось хорошее мнение.

С самого въезда в деревню и до самого дома Старину Чэню то и дело приходилось здороваться.

Все сетовали, что они уехали слишком рано: кто-то не успел попроситься в повозку, а кто-то — купить тофу.

Старина Чэнь лишь отвечал, что в следующий раз обязательно.

Лу Лю понимал, что это пустые слова. В следующий раз он никого не подвезет, но, возможно, оставит немного тофу на продажу дома.

К дому они подъехали уже в полдень. Видя, что сын все еще выглядит вялым, Старина Чэнь сам распряг мула и велел ему пойти выпить горячей воды.

Лу Лю кивнул, но не спешил входить в дом. Он остановился во дворе и осмотрелся.

Дом, простоявший без хозяев больше десяти лет, выглядел старым и обветшалым.

Двор уже привели в порядок: ограду обновили — часть разобрали и сложили заново, часть просто обмазали свежей глиной.

Сейчас двор был пуст. В углу соорудили временный навес для мула, с толстой подстилкой из соломы и высокими столбами для защиты от ветра. Спереди его завесили циновками, к которым для веса привязали камни.

Старое дерево во дворе засохло, его срубили, оставив лишь пень, который теперь служил разделочной доской. На нем виднелись следы крови — видимо, здесь рубили кур и разделывали рыбу.

Натянутые бамбуковые шесты были пусты.

Прямо напротив ворот находилась главная комната. Чтобы не дуло, дверь была прикрыта.

Люди в доме, увидев их возвращение, стали прощаться, смеясь и желая всего доброго. Каждый, выходя, здоровался с Лу Лю, называя его трудолюбивым и умелым.

Один из супругов, взяв его за руку, доверительно сказал:

— Твои родители так о тебе пекутся. Чтобы найти тебе хорошую партию, они тратят деньги, не считая, все боятся, что ты попадешь в плохую семью. Постоянно у нас все выспрашивают. Дядюшка тебе скажет, этот Ли Фэн — парень что надо: и земля у него есть, и умение, и деньги. Да, он старше тебя, но что это за разница? Послушай дядюшку, выходи за него спокойно и не думай о том, чтобы верховодить. Раз выходишь замуж, то муж — главный. Не зря же говорят, что муж — это небо.

Что мог ответить Лу Лю?

Он только кивал.

Видя, что его слова дошли до него, и он не язвит, как в прошлые дни, супруг расцвел в улыбке и, сменив тон, спросил:

— А ты не мог бы отсыпать мне немного соевой гущи? Я слышал, вы сегодня делали тофу.

Лу Лю промолчал.

Он даже не знал, где эта гуща.

Но он помнил слова брата: это очень, очень, очень важно. Семья Чэнь перед чужими всегда выглядела доброй и щедрой, а все отказы и неприятные дела сваливались на брата.

Пусть о брате говорят плохо, семье Чэнь было все равно. Они всегда могли сказать, что он еще молод и глуп. Их не волновала его репутация.

Лу Лю не обладал изворотливостью брата. Его отказ прозвучал сухо:

— Не могу. Я все съел.

Выражение лица супруга застыло.

— Ты съел? — переспросил он.

Старина Чэнь, управившись с мулом и мешками с бобами и накормив своего старого товарища, подошел как раз в этот момент. Услышав этот разговор и увидев невинные глаза Лу Лю, он подумал, что ребенок совсем раскис.

«Неужели живот так болит, что и голова перестала соображать? Что за глупости он несет?»

Старина Чэнь вмешался:

— Он сегодня устал, нездоровится ему. Какая гуща, что ты! Я вот только что мула покормил. Мы сегодня и тофу-то немного делали. В следующий раз, в следующий раз я тебе обязательно оставлю.

И он указал на навес.

Перед отъездом в деревню они продали всех кур, поэтому курятника во дворе не было. Соевую гущу ел только мул.

Супруг запомнил слова Старины Чэня.

— В следующий раз обязательно! Я на запах приду!

Из соевой гущи тоже можно было готовить. Ее формовали, ферментировали на соломе, а потом тушили с овощами или жарили с зеленью.

В мастерской семьи Чэнь ее продавали за деньги. А дома, после того как накормят скот, из остатков делали лепешки. Разве можно было ее раздавать просто так?

Когда гости ушли, Старина Чэнь позвал Лу Лю в дом и отчитал его.

Лу Лю молча слушал, не выказывая ни малейшего протеста.

Старина Чэнь, зная, что у него болит живот, не стал долго его ругать. Тут вмешалась Лу Сань-фэн и велела Лу Лю идти готовить обед.

— А потом приберись в главной комнате, постирай одежду братьев и почисти всю обувь, что не носят. Сегодня солнечно.

Лу Лю, боясь проговориться, на все отвечал: «Да, да, хорошо».

Старина Чэнь, видя его жалкий вид, сжалился и велел ему пойти отдохнуть, а готовить отправил Лу Сань-фэн.

— Я? Я буду готовить? — не поверила та, указывая на себя пальцем.

— Иди, — нахмурился Старина Чэнь. — Через два дня Ян-гээр выйдет замуж, и все хозяйство снова ляжет на тебя.

Эта новость ошеломила Лу Сань-фэн. Казалось, она только сейчас осознала, что для нее означает замужество Лу Яна.

Она не пошла на кухню, а бросилась к Старине Чэню:

— Тогда нужно срочно женить старшего! В доме столько дел, я одна не справлюсь!

У Старины Чэня болела нога, и он не стал с ней спорить.

— Потерпи. Как только откроем мастерскую, появятся деньги, тогда и женим старшего. Сейчас свататься — только людей смешить, денег на выкуп все равно нет.

Лу Лю не чувствовал боли в животе, но и сидеть без дела в чужом доме не решался.

От безделья время тянется медленнее, а он боялся, что нервы его выдадут.

Кухню найти было легко. Сказав Старине Чэню, он взглянул на Лу Сань-фэн.

По родству она приходилась ему тетей.

Он видел ее впервые и не мог назвать ее «матушкой». Помедлив, он лишь кивнул и ушел.

Лу Сань-фэн, глядя ему вслед, пожаловалась Старине Чэню:

— Ты посмотри на этого неблагодарного волчонка! С тех пор как его сосватали, он совсем от рук отбил. Никого не слушает, ничего не хочет. Уже крылья расправил, лететь собрался, мы ему только в тягость!

Старина Чэнь снял обувь и носки. Нога и впрямь распухла от того, как на нее наступил Ли Фэн. Он невольно заступился за Лу Лю:

— Он не так уж и неправ. Разве Ли Фэн — хороший человек? Такой верзила, силы девать некуда. Будет по дому ходить — ненароком и сшибет Ян-гээр. Такие, у кого кулаки чешутся, если на стороне обидят, дома на супруге зло срываю. Не зря же он до двадцати трех лет в женихах ходил.

Лу Сань-фэн вытаращила глаза.

— Старик, ты что, с ума сошел?

Старина Чэнь не хотел больше говорить.

На кухне Лу Лю, осмотрев продукты, сварил рис на дровах. Вокруг риса он разложил батат, а сверху поставил миску с яичным пудингом.

Затем он взял из ведра рыбью голову, обжарил ее с парой ломтиков имбиря, чтобы отбить запах, залил водой и поставил вариться суп, добавив в него две порезанные белые редьки.

Утром осталась вяленая свинина. В бамбуковой корзине у стены лежали овощи, принесенные соседями. Он смешал все и пожарил большую миску. Потом нашел кадку с квашеной капустой и достал оттуда горсть.

В капусту он добавил несколько ломтиков сала, вытопил из них жир, и только потом положил капусту. Получилось очень ароматно.

Еда в семье Чэнь была намного лучше, чем у них дома, но за столом Лу Лю получил лишь горстку риса на дне миски, на два укуса. Основной его едой был батат.

На дне котла после риса осталась корочка. Ее залили рисовым отваром, и получился ароматный и согревающий суп.

Его ему разрешили есть, и Старина Чэнь велел ему выпить побольше.

Лу Лю с радостью согласился. Выпив суп, он почувствовал, как по телу разливается тепло, и голова немного закружилась.

После обеда он принялся за уборку. Он даже не заходил в свою комнату, подметал полы, вытирал столы, прибирался на кухне, стирал одежду и чистил обувь.

Снег еще не выпал, и никто не тратил дрова на то, чтобы греть воду. Но на улице уже было так холодно, что приходилось носить стеганые куртки. После всей этой работы его прошиб пот, который тут же остывал, и его снова пробирала дрожь. К тому же, он не мог расслабиться, постоянно боясь выдать себя. Он держал в голове имя брата, и как только кто-то звал «Лу Ян» или «Ян-гээр», он тут же откликался. К вечеру он от усталости и напряжения заболел.

Возможно, сказался и весь этот суматошный день: с утра он прошел больше десяти ли до рынка, а куртка Лу Яна была тонкой и не защищала от ветра. Вернувшись в свою комнату, он уснул, и у него начался жар.

Лу Сань-фэн хотела было разбудить его, чтобы он готовил ужин, но, зайдя в комнату, увидела, что он крепко спит. Она выругалась, но потом заметила, как сильно он покраснел. Дотронувшись до его лба, она в ужасе закричала:

— Старик! Старик! У Ян-гээр сильный жар!

В доме Чэнь началась паника.

***

Тем временем, Лу Ян, вернувшись в дом семьи Лу, вел себя куда свободнее. Несмотря на смену личности, он как ни в чем не бывало расхаживал по двору, все осматривая и расспрашивая.

Лу Эр-бао и Ван Фэн-нянь не заподозрили ничего дурного. На все его вопросы они отвечали.

В их доме обычно было тихо. Все трое были неразговорчивы, и часто казалось, что дом пуст.

Лу Ян был любопытен, и от его вопросов в доме стало оживленнее, на лицах отцов даже появились улыбки.

Ван Фэн-нянь, проверив корзину и увидев, что они купили финики, лонган и коричневый сахар, улыбнулся еще шире, но в глазах его промелькнула боль.

Зимой цыплят не достать. Они продали всех кур.

Яиц, как он уже посчитал, дома оставалось около десятка. В ближайшие дни они все скормят Лу Яну. До самой весны у них не будет другого дохода.

А из приданого, о котором он просил, Лу Ян не выбрал ничего.

Лу Ян осмотрел весь их скромный дом, а потом позвал Лу Эр-бао на кухню. Там они высыпали из кошельков все монеты и принялись их считать.

Куры стоили дорого. Сегодня они продали семь штук.

Куриц было больше, их откармливали червями и зеленью, и они были очень жирными. Все вместе они продали за шестьсот взней.

Яиц было шестьдесят штук.

Десять продал Лу Лю, а на вырученную мелочь купил баоцзы и хуацзюани. Пятьдесят продал Лу Ян, и у него осталось семьдесят семь вэней.

На полфунта коричневого сахара ушло тридцать вэней.

Фунт фиников стоил дешевле — двенадцать вэней.

Лонган был дорогим — восемнадцать вэней за полфунта.

Плюс тангао за пять вэней, а по дороге домой Лу Ян купил еще два, по одному для каждого из отцов. Итого — пятнадцать вэней.

Сбережений у них было чуть больше трех лянов.

Услышав это, Лу Ян чуть не скривился.

Они были очень бедны.

За столько лет, пока рос Лу Лю и мог помогать им разводить кур и копить деньги, семья из трех человек смогла скопить всего три ляна серебра.

Эти три ляна он не возьмет, как и деньги от продажи кур.

Вычтя все расходы, он попросил отцов дать ему на приданое ровно пятьсот вэней.

Этого было достаточно. На пятьсот вэней можно было купить много всего.

— Я не знаю, что там за семья у Се, — сказал Лу Ян, — но с такими родственниками-волками любое приданое — это просто подарок им. Я лучше возьму деньги, а там посмотрю по обстоятельствам. Или весной куплю цыплят и буду их разводить.

Ван Фэн-нянь, видя, как ловко он считает деньги и как здраво рассуждает, посмотрел на Лу Эр-бао.

Лу Эр-бао рассказал о встрече на рынке с матушкой Се и ее сыном.

Ван Фэн-нянь, как и Лу Эр-бао, промолчал.

Но они были у себя дома, за закрытыми дверями, и он не смог сдержаться:

— Этот парень из семьи Се — совсем никудышный! Скоро свадьба, а он при встрече на людях даже лица нашему Лю-гээр не показал! Как же он будет жить с ним, когда все вокруг будут его обижать!

Лу Эр-бао не ответил.

Он боялся, что если он что-то скажет, Лу Лю снова начнет просить расторгнуть помолвку.

А лучшей партии для них было не найти.

Два пирожка еще были теплыми. Лу Эр-бао не стал есть свой, а отдал его Лу Яну.

Ван Фэн-нянь тоже отказался, сказав, что оставит на завтра, разогреет и отдаст сыну.

Лу Ян был удивлен. Ему стало как-то не по себе.

«Вот она, разница между родными и приемными родителями?»

В семье Чэнь с ним так не обращались.

— Если вы не едите тангао, то и я не буду есть это, — сказал он, указывая на котелок, в котором варился суп из фиников и лонгана. — Слишком сладко, приторно.

— А раньше ты выпрашивал сладкую воду, так любил сладкое, — усмехнулся Ван Фэн-нянь. — А теперь уже приторно?

Лу Ян не знал, что его брат выпрашивал сладкую воду. Ему стало смешно и тепло на душе.

Ему нравилось это слушать, и, нанизывая монеты на веревку, он попросил Ван Фэн-няня рассказать еще.

Ван Фэн-нянь тоже выглядел старше своих лет. Волосы его поседели, он был худым и высохшим. Родинка между бровями почти исчезла, стала тусклой.

Говорят, чем лучше живет супруг, тем ярче его родинка. За эти годы его здоровье было подорвано, и без всяких родинок было видно, что ему жилось нелегко.

Но чем хуже он становился, тем больше казались его глаза. У него тоже были миндалевидные глаза, бровья были похожи на него.

Лу Ян нанизывал монеты, но все время смотрел на Ван Фэн-няня.

«Вот, значит, какой у меня отец. Говорит тихо и мягко. Брат очень на него похож, оба такие спокойные».

У Лу Яна был свой способ нанизывать монеты: каждые десять монет он завязывал узелок, потом соединял концы и продолжал дальше. Десять узелков — одна связка, сто монет. Так было удобнее считать при расплате.

Лу Эр-бао, видя, как это удобно, попросил его делать помедленнее, чтобы он тоже научился.

Лу Ян сосредоточился и стал показывать отцу, как завязывать узелки.

Монет было немного. Закончив с этим, Лу Ян остался на кухне и болтал с ними о будущем.

Когда он выйдет замуж, они останутся вдвоем.

По его мнению, им не нужно было больше обрабатывать столько земли.

Во-первых, Ван Фэн-нянь не мог оставлять хозяйство, чтобы носить обед в поле, а Лу Эр-бао было бы слишком тяжело бегать туда-сюда. Их участки и так были разбросаны, все время уходило на дорогу.

Во-вторых, Ван Фэн-нянь должен был разводить кур, а их куры были такими хорошими только потому, что они усердно ловили для них червей. Если просто выпускать их, как это делали другие, куры не вырастут такими жирными. К тому же, соседи воровали кур, и дома всегда должен был кто-то быть.

Лучше было продать все их участки и купить один, но хороший.

Так будет легче работать, Лу Эр-бао справится один, и у него даже останется время на ловлю червей.

В следующем году они купят цыплят. На это уйдет время, первые несколько месяцев, как и с землей, будут одни вложения.

Но это не страшно.

— Чтобы что-то получить, нужно что-то отдать, — сказал им Лу Ян. — У меня есть способ достать поросят. О деньгах не беспокойтесь. Семья Се ведь дала выкуп? Возьмите эти деньги и купите двух поросят.

С одним му земли управиться легко, и большую часть времени дома будут двое.

Лу Ян постарается достать хряка и свинку. Если все пойдет хорошо, они смогут разводить поросят.

И тогда все, кто захочет завести свиней в деревне, будут от них зависеть. Иначе они просто зарежут и съедят поросят, но никому не дадут.

Конечно, для этого нужно было подготовить почву, и это было дело будущего года.

Лу Ян не собирался оставлять своих отцов одних в нищете. Он все устроит.

На праздники он приедет к ним, разузнает все о родственниках и найдет надежную опору.

Так, с курами и свиньями, земля станет не так важна. Один му даст им уверенность и спокойствие.

А если будет беспокойно, то, когда появятся деньги, можно будет купить еще, три или пять му.

Но эти шесть му бедной земли нужно было обязательно продать.

Держаться за бесплодную землю — значит, впустую тратить силы. Когда же тогда наступит хорошая жизнь?

Просто разводить кур отцы не соглашались. Но с поросятами они задумаются.

Они слушали Лу Яна, ошеломленные. Несколько раз они пытались вставить слово, но каждое его следующее предложение поражало их еще больше, и вопросы в их головах только множились.

Они не понимали, когда Лу Лю стал таким рассудительным, откуда у него связи, чтобы достать поросят, и как он мог говорить о продаже земли. Это было так смело! Какой крестьянин не держится за свою землю?!

— Раз уж меня сосватали, значит, я вырос, — подытожил Лу Ян, хлопнув по столу. — Теперь в доме слушайте меня.

Он знал их слабое место и ударил по нему:

— Отцы, вы должны стать сильнее, иначе как мне жить в семье Се?

Стать сильнее — значит, быть увереннее.

А уверенность дают деньги в кармане.

Но Лу Эр-бао и Ван Фэн-нянь все еще колебались.

С землей они, по крайней мере, не умрут с голоду. А если куры умрут... А Лю-гээр еще и о свиньях говорит, они же никогда их не держали! А если и они умрут...

— Чего бояться? — усмехнулся Лу Ян. — Родственники Се так и жаждут оторвать кусок от этого ученого. Какая разница, кому этот кусок достанется? Если не смогу вырастить, просто возьму деньги у него из кармана.

Лу Эр-бао и Ван Фэн-нянь были в ужасе.

«Что с ребенком? Съездил на рынок и стал таким дерзким?»

Они не знали, кто его этому научил. Еще не вышел замуж, а уже думает, как помогать родной семье. Если об этом узнают, кто же его замуж возьмет!

— Не говори так, не говори, — забормотал Ван Фэн-нянь. — Услышат — нехорошо будет.

Многие так делали, но они не могли так учить своего ребенка.

Если есть совесть, он и так будет приезжать, привозить гостинцы. Но делать это намеренно — значит, потерять уважение в доме мужа. Какая тогда будет жизнь?

Лу Ян, видя, как они дрожат, покачал головой и замолчал.

Ему-то было все равно. Старина Чэнь в последнее время только и твердил ему, что нужно, не успев выйти замуж, уже начинать обчищать семью Ли. А эти двое — даже слышать об этом не могут.

Но отчего-то на душе стало тяжело — тяжелее, чем когда Старина Чэнь заставлял его выуживать деньги из чужих карманов.

Он не понимал почему.

Да и ладно.

Этому его раньше не учили.

<http://bllate.org/book/16991/1581669>